

изложенном в нем взгляде на Россию со стороны человека, о России знавшего мало, но осторожного в суждениях и свободного от предрассудков.

Источники и литература:

1. Борисенко А. Льюис Кэрролл: мифы и метаморфозы / А. Борисенко, Н. Демурова // Иностранная литература – 2003. – № 7. – С. 26.
2. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : т. IV / Н. Г. Чернышевский. – М. : ГИХЛ, 1948. – 997 с.
3. Гуминский В. М. Путешествие / В. М. Гуминский // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – С. 314-315.
4. Скибина О. М. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика / О. М. Скибина. – Оренбург : Наука, 2003. – 214 с.
5. Lewis Carroll / Ed. With an introd.by Н. Bloom. – N. Y. : Chelsea house publishers, 1987. – 172 p.

Кондратенко Е.А.

УДК [821.161.1+821.111]:82-94.053.2

АВТОБИОГРАФИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕТСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. ДИККЕНСА «ДЭВИД КОППЕРФИЛЬД» И Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ»)

Мир детства является неотъемлемой частью образа жизни и культурного развития любого отдельно взятого народа и человечества в целом. Но интерес к нему и попытки его исторического осмысления возникают на определённом этапе индивидуального и социального развития. Изучение детства в рамках истории детской литературы даёт очень ценную информацию. Однако чтобы верно осмыслить многообразие фактического материала, необходим междисциплинарный синтез возрастной психологии, социологии воспитания, этнографии, педагогики и собственно литературоведения.

Эволюцию становления личности как целостной структуры и призвана воспроизвести детская литература, прошедшая сложный путь от назидательно-дидактических изданий и азбучников до произведений, всесторонне репрезентирующих мир детства.

Резкое обострение социально-политического противостояния в середине XIX столетия стимулирует у представителей различных слоёв населения стремление глубже осмыслить процессы современной действительности, понять их истоки и историческую перспективу. Возникновение «сильной потребности в мемуарах» (Н.Г. Чернышевский), повышенный интерес писателей к внутреннему миру личности неминуемо должны были сказаться и в художественном творчестве. Появляются произведения, отличающиеся особой исповедальностью, сюжет которых строится с учётом событий жизни самого автора. «Автобиографические произведения разных типов характеризуются рядом общих признаков: установкой на воссоздание истории индивидуальной жизни, позволяющей, создавая текст, создаваться самому и преодолевать время (и более того – смерть), принципиально ретроспективной организацией повествования, идентичностью автора и повествователя или повествователя и главного героя» [1, 38-42].

Из произведений о детстве, написанных русскими и английскими писателями, были выбраны два. Это роман Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» и Льва Николаевича Толстого «Детство. Отрочество. Юность», так как они появляются почти одновременно в 1850-х и являются «отправной точкой» в формировании художественных произведений о детстве.

Объект исследования – романы Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» и Льва Николаевича Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Предметом исследования является автобиографизм детства в произведениях вышеуказанных писателей. Выбор в качестве **материала исследования** романов «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого и «Дэвид Копперфильд» объясняется тем обстоятельством, что они давно и прочно вошли в круг детского чтения, послужив своеобразной точкой отсчёта в процессе становления жанра автобиографической прозы.

Цель данной работы – исследовать изображение автобиографизма в романах Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».

Актуальность данной работы обусловлена общим усилением внимания современного литературоведения к общечеловеческому значению образов и проблематики произведений Чарльза Диккенса и Льва Николаевича Толстого – к их нравственным и философским аспектам; неугасающим интересом к анализу детских образов и образа детства в творчестве различных писателей на современном этапе; общекультурной значимостью вопроса о гуманном отношении к детям как в литературе, так и в жизни современного общества.

Научная новизна исследования заключается в том, что анализ автобиографизма в произведениях данных авторов, осуществлённый с позиций современной социокультурной ситуации, позволяет подчеркнуть своеобразие изображённой в них жизни ребёнка в её экзистенциальной сущности.

В качестве основных методов исследования в работе используются: а) типологический метод (при помощи которого выявляются внутренние связи между автобиографическими произведениями Чарльза Диккенса и Льва Николаевича Толстого); б) метод сравнительного культурно-исторического исследования

(позволяет исследовать быт и культуру, историческую ситуацию, особенности образа жизни в странах авторов исследуемых произведений); в) биографический метод (использование данного метода обуславливает возможность более детального изучения автобиографий авторов исследуемых произведений и сопоставления фактов их автобиографий и жизненными ситуациями героев произведений, которые являются объектом исследования данной магистерской работы).

Теоретическая значимость работы заключается в полученных выводах об особенностях автобиографических повестей о детстве, суть которых может быть кратко обозначена как стремление писателей всесторонне осмыслить своеобразие данного возрастного периода с точки зрения его субъектности и самодостаточности.

Практическая ценность работы определяется тем, что ее выводы могут найти свое применение в отечественном литературоведении.

Автобиографизм в литературе – это отражение в литературном произведении сведений из жизни автора.

Автобиографический текст это произведение, основанное на документальных фактах из жизни автора и предполагающее большую степень достоверности по сравнению с другими литературными текстами, прозаическими или поэтическими. Автор биографического текста субъективно воспринимает внешние события и явления, вносит свою индивидуальную оценку происходящего.

При создании автобиографического образа писатель осознает его связь с требованиями и запросами эпохи. Стараясь найти собственное место и назначение в обществе, он создает свой идеальный облик, и в соответствии с этим стремится обозначить свою культурную функцию. Автор конструирует автобиографический образ как литературный портрет органичного и одновременно уникального представителя эпохи. Одной из центральных функций автобиографического произведения является создание художественного образа авторской личности, выражающей социально-философские, этические, эстетические принципы эпохи. В автобиографии частная жизнь человека соотносится с историческим целым. Авторское участие в автобиографическом тексте проявляется в индивидуальном отборе, организации и преобразении исторического документального материала, который дополняется авторским вымыслом.

Литературная автобиография постоянно балансирует между установкой на вымысел и тягой к правдоподобию. Автобиография как литературная форма требует эстетически оправданного коллекционирования фактов, селекцию некоторых из них, субституцию и оправдание других. Автобиография – не просто запись документально зафиксированных событий и фактов, не просто рассказ о поступках писателя и о его трудах, а литературный нарратив, который собирает, классифицирует и сопоставляет факты таким образом, чтобы обобщить все это в концептуально-идеологическую панораму авторской биографии [2].

Разрабатывая понятийно-категориальное определение автобиографизма в ракурсе теории жанров, можно сказать, что существуют два способа обращения к собственной биографии. Первый способ можно назвать “собственно автобиографией”. Автобиография обычно строится на реальном биографическом фундаменте и скрупулезно точно воспроизводит событийно-хронологическую последовательность авторской биографии. Второй способ можно определить как “автобиографизм”. Он заключается в художественной трансформации реальных событий из жизни автора и его идейно-эстетических установок в литературном тексте, который формально не является авторской биографией. Автобиографизм литературного текста – это выраженная в нем точка зрения писателя на себя и на свое место в мире, точка зрения персонально мотивированная и с позиции автора – единственно достоверная.

Автобиографический герой никогда не является буквальным повторением автора, создателя произведения. Автор всего лишь прототип («натура», модель) автобиографического героя точно так же, как любой реально существующий человек может быть прототипом литературного героя. Автобиографический герой и автор существуют как бы в двух различных измерениях: автор – реальный человек с реальной внешностью, биографией, чертами характера, автобиографический герой – явление другой реальности – реальности искусства.

В автобиографическом герое может быть не только осмысление, но и переосмысление подлинной биографии писателя. Как и любой художественный образ, образ автобиографического героя не только отражает реальность, но и преобразует ее. Такой герой – прежде всего плод творческой фантазии автора.

Во многих произведениях автобиографических героев нет, но автор настолько открыт, близок читателю, настолько остро ощущается его присутствие в тексте, что можно говорить об образе автора. Его отличие от образа автобиографического героя состоит в том, что образ автора не является образом действующего лица, участника событий, каким обязательно является автобиографический герой.

Автобиографический герой – тип литературного героя. Писатель наделяет его своей биографией, в его судьбе отражает свою собственную судьбу, а в характере – свой характер. Нередко автобиографический герой даже внешне похож на автора.

Особенностью автобиографических героев является большая, чем у персонажей обычных, «вымышленных», не имеющих отношения к создателю произведения, связь с реальной жизнью. Соотношение с реальными людьми у большинства литературных персонажей в значительной мере условно и практически не ощущается читателями. Автобиографические герои, напротив, могут быть прямо сопоставлены с личностью автора. Читатели, слабо представляющие специфику художественной литературы, склонны отождествлять таких героев с создателями произведений.

Особый интерес для исследования в данной связи представляют произведения о детстве, а именно степень автобиографичности данных произведений.

Прежде всего, следует отметить, что интерес к изображению детства в мировой литературе не всегда одинаков. Определить эпоху, в которую образ детства становится главным, достаточно сложно. Исследования ученых привели к выводу, что вплоть до XIII века искусство к детям не обращалось. В средневековой литературе Западной Европы ребенок занимал место бедняка или даже зачумленного. Такова была воля церкви. Сочинения средневековых клириков напоминают, что ребенок – существо, которого следует во всем остерегаться, так как он может бытьместилищем темных сил. В литературе классицизма детские образы еще не занимали сколько-нибудь значительного места, так как классицизм интересует всеобщее, образцовое в людях, и детство предстает как возрастное отклонение от нормы.

Исследователи отмечают, что XVII в. ознаменован зарождением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четким различением, хронологически и сознательно, детского и взрослого миров и, наконец, признанием за детством социальной и психологической ценности. Если в XVII в. тема детства – преимущественно поэтическая, то в следующем столетии она отступает из поэтического "центра". В эпоху Просвещения можно отметить появление интереса к детям в литературе, но он носит в основном прозаический, воспитательный характер. Это связано с борьбой за установление "царства Разума", с повышенным вниманием к воспитанию и образованию вообще. Книги, в которых присутствует ребенок, – это скорее программы, адресованные не столько детям, сколько их воспитателям. Меняется и само значение детства – это возраст, который необходимо преодолеть, переделать... Детскость в ребенке – это препятствие.

Заслуга следующей эпохи – Романтизма – в том, что детство уже не воспринимается как подготовительный период жизни или возрастное отклонение от нормы; романтики почувствовали детство как совершенно самостоятельный, неповторимый, особый и драгоценный мир.

Если для Классицизма "взрослость" была нормой, а детские годы – отклонением от нее, то для романтиков характерно принципиально иное соотношение между возрастными состояниями: взрослое состояние становится ущербной порой, а детство – идеальной эпохой человеческой жизни. В связи с этим вспомним обостренный интерес романтиков к истории и – особенно к фольклору. Недаром одним из самых распространенных жанров у художников этого направления были сказки (Арнимо и Брентано, братьев Гримм, Гауффа, Андерсена и др.), в основе своей восходящие к устному народному творчеству. Таким образом, в эстетике романтизма детство приобретает огромную значимость – детство не только отдельной личности, но и человечества вообще [3].

М. Эпштейн и Е. Юкина, описывая образы детства, констатируют, что только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей. Все отношения между возрастными состояниями как бы перевернулись в романтической психологии и эстетике: если раньше детство воспринималось как недостаточная степень развития, то теперь, напротив, взрослость предстала как ущербная пора, утратившая непосредственность и чистоту детства [4, 25-38].

Образы детства в художественной литературе и искусстве нового времени меняются и развиваются. У сентименталистов и романистов "невинное детство" выглядит безмятежной порой счастья. Подготовленный поэзией романтизма, в 1830 - 1840-х гг. образ детства перемещается в прозу и занимает в ней центральное место. По мнению ряда исследователей, именно в середине XIX в. интерес к детству достигает своего апогея [5, 123]. Ребёнок становится центральной фигурой всех сфер социальной и культурной жизни и оказывается в центре внимания писателей-реалистов.

Именно в это время создаются два романа, которые являются материалом для исследования в данной работе.

Диккенс выпустил новый роман «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1850) после революционного 1848 года. Писатель тут не касался общественных проблем. Этот роман, в огромной степени автобиографический, отличался от всего, что было им создано в 40-е годы. Но хотя Диккенс под влиянием событий революционных годов отошел от проблематики социального романа, он совсем не утратил того народолюбия, которым дышало творчество его предыдущих лет.

В этом произведении Диккенс обращается к миру детства. Раскрывая пагубность неправильного воспитания, писатель рисует образы несчастных детей, лишенных заботы и тепла. Показывает, как это отражается на формировании их характеров, целей, стремлений. И мы видим на примерах образов, созданных Диккенсом, что именно система образования, а не среда из которой происходят герои, влияет на их дальнейшую жизнь и судьбу [6, 207]. В своем романе Диккенс анализирует причины этического несовершенства людей, их морального уродства, и приходит к испорченной системе образования.

Хотя нельзя говорить, что роман полностью отображает жизнь автора, все-таки автобиографические мотивы пронизывают роман насквозь [7, 227]. Мотивы сродства с его семьей воплощаются в образе семьи Микобера, легкомысленного неудачника, который постоянно кому-то задолжает и живет в вечной надежде, что когда-нибудь «счастье нам улыбнется». Напомним, что в свое время отец Диккенса был отправлен в долговую тюрьму, и маленький Диккенс был вынужден тяжело работать на фабрике ваксы. Еще с детства писатель испытал всю горечь нужды, социального неравенства и жестокой несправедливости, современной ему социальной системы, и это во многом определило демократизм его убеждений и симпатий [8, 139]. Детство и ранняя юность Диккенса – сына мелкого служащего, который всю жизнь пытался

безуспешно «выйти в люди», протекали в бедных кварталах Лондона и даже в долговой тюрьме, в которую попала вся семья после неудачных попыток Диккенса-старшего выбиться из нужды и перейти в ряды «респектабельных», – то есть обеспеченных – представителей «среднего класса». В шестнадцать лет Диккенс, получив недолгий, но тяжелый опыт работы в качестве подмастерья на небольшом предприятии, начал самостоятельную трудовую жизнь сначала как писарь, а потом как клерк в конторе адвоката. Поэтому, наверное, не случайно, в романе бабушка предлагает Дэвиду выбрать карьеру юриста [9, 399]. Любовь Дэвида тоже имеет под собой автобиографическую основу. В образе Доры Диккенс воплотил свою любовь к дочери банкира Марии Биднелл. Дэвид с бабушкой вынуждены переехать в Лондон, сдав свой дом в Дувре, чтобы прокормиться. Дэвид ни капли не обеспокоен этим известием; он поступает на работу к доктору Стронгу, который отошел от дел и поселился в Лондоне (ему порекомендовала это место добрый ангел Агнесс); кроме того, Дэвид изучает стенографию. Бабушка ведет их хозяйство так, что Дэвид кажется, будто он стал не беднее, а богаче. Овладев стенографией, Дэвид начинает очень неплохо зарабатывать в качестве парламентского репортера [10, 135].

Как видим, в августе 1833 года Диккенс поступает на работу парламентским репортером в либеральную газету «Морнинг кроникл».

Дэвид, который стал известным писателем (от журналистики он перешел к беллетристике), отправляется на континент, чтобы, работая, побороть своё горе. Вернувшись через три года, он женится на Агнесс, которая, как оказалось, всю жизнь любила его [11, 321].

Вот и здесь мы видим автобиографические мотивы романа. Так же, как и его герой Чарльз Диккенс от журналистики переходит к написанию небольших рассказов, а позже и романов. В образе Агнесс писатель воплотил любовь к своей жене. Как и его герой, он достиг успеха и стал известным писателем [12, 291].

Следующее произведение – роман Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» – пронизан автобиографическими мотивами.

Интерес к образу ребёнка наблюдался с первых шагов писателя в большой литературе. Выход в свет автобиографических повестей Толстого озаменовал собой появление в русской беллетристике своеобразного исследователя проблемы детства. Несомненно, самым известным произведением Л.Н. Толстого, посвященным процессу становления души ребёнка, является его автобиографическая трилогия «Детство. Отрочество. Юность». В письме к исследователю творчества писателя Н.Н. Апостолу от 5 (18) марта 1918 г. С.А. Толстая довольно подробно перечислила прототипы героев «Детства»: «Все типы, описанные в «Детстве», взяты из двух семей: графов Толстых и Александра Михайловича Исленьева, моего родного деда по матери, его и описал Лев Николаевич в главах под заголовком «Папа» и «Что за человек был мой отец». Матери Лев Николаевич не помнил, ему не было двух лет, когда она умерла. Из семьи моего деда Исленьева, кроме его самого, описана ещё гувернантка дочерей деда, в том числе и моей матери, шведка по мужу, мадам Копервейн. ...Прозвище её было Мими. При ней жила и её дочь Юзенька (Жозефина), в «Детстве» она названа Катенькой. ...Володя был брат Сергей, другие братья не описаны, а Любочка – это описана сестра Машенька. «Бабушка» – это мать отца Льва Николаевича. ...Все лица в «Детстве»... взяты с натуры, но я не ясно помню, с кого они именно писались. Думаю, что «Ивины» были Мусины-Пушкины» [13, 123]. Характерно, что Лев Николаевич и Софья Андреевна, вспоминая, с кого «срисованы» персонажи, расходились в версиях. Сам писатель неоднократно опровергал мнение жены да и многих критиков о том, что все герои «взяты с натуры». Прототип для Толстого был своеобразным «творческим импульсом», с которого начиналась работа воображения. Сам писатель говорил, что если бы он только «описывал с натуры», то стеснялся бы выдавать свои опыты за художественные произведения. Это отметил один из самых прилежных биографов Толстого – П.И. Бирюков, который считал, что «повести Льва Николаевича «Детство, отрочество и юность» нельзя считать автобиографическими. Но это замечание касается больше внешних фактов и образов, созданных автором для полноты написанной им картины. Что же касается до изображения внутреннего состояния души ребёнка – героя повести, то мы смело можем сказать, что в той или иной форме эти состояния души были пережиты самим автором». Эта мысль получила подтверждение в работе современной исследовательницы творчества Толстого Н.И. Бурнашёвой, утверждавшей, что «автобиографическое начало проявилось в «Детстве» не только, а может быть, не столько в описании событий собственной детской жизни, сколько в изображении своих личных ощущений, чувств, настроений, запомнившихся с детских лет или переживаемых автором в самый момент писания [13, 178-180].

Подводя итог, хотелось бы сделать вывод о том, что, несмотря на схожесть жизни героев литературного текста и жизненного пути авторов, нельзя отождествлять вымышленный персонаж и реальную личность. То есть в произведениях присутствуют некоторые, или даже в значительной степени события из жизни автора, но, тем не менее, дается не просто их описание, а оценочная характеристика.

В перспективе возможно привлечение в качестве материалов для исследования произведений других авторов и последующее их сравнение.

Источники и литература:

1. Павлова С. Ю. Автобиография как литературный жанр / С. Ю. Павлова // Проблема литературного диалога. – Саратов, 2002. – С. 38-42.
2. Мухамед Наср эль-Дин Мухамед Эль-Гибали. Архипелаг ГУЛАГ" А. И. Солженицына: Проблема автобиографизма : [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Мухамед Наср эль-Дин Мухамед Эль-Гибали. – СПб., 2001. – 166 с. – Режим доступа : http://www.refnet.ru/index.php?f=li_32031.htm&ec=10&from=2450

АВТОБИОГРАФИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕТСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. ДИККЕНСА
«ДЭВИД КОППЕРФИЛЬД» И Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ»)

3. Кон И. С. Социологическая психология : [Электронный ресурс] / И. С. Кон. – М., Воронеж : Моск. психол.-социал. ин-т; Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/konsp/13.php
4. Эпштейн М. Образы детства / М. Эпштейн, Е. Юкина // Новый мир. – 1979. – № 12. – С. 28-35.
5. Wilson Angus. The world of Charles Dickens / Angus Wilson. – L. : Martin Secker & Warburg, 1970. – 319 с.
6. Клименко Е. И. Английская литература первой половины XIX в / Е. И. Клименко. – Л., 1971. – 327 с.
7. Гражданская З. Т. От Шекспира до Шоу / З. Т. Гражданская. – М. : Просвещение, 1982. – 189 с.
8. Островский А. Н. О Диккенсе / А. Н. Островский // Собр. соч. : в 10 т. / А. Н. Островский. – М., 1960. – Т. 10. – С. 399-400.
9. История зарубежной литературы : учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» : в 2 ч. / под ред. Н. П. Михальской. – М. : Просвещение, 1991. – Ч. 2. – 256 с.
10. История зарубежной литературы XIX века : учеб. для вузов / А. С. Дмитриев, Н. А. Соловьева, Е. А. Петрова и др.; под ред. Н. А. Соловьевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа; Изд-кий центр "Академия", 1999. – 559 с.
11. Моэм У. С. Искусство слова / У. С. Моэм. – М., 1989. – 407 с.
12. Бурнашева Н. И. Раннее творчество Л. Н. Толстого: Текст и время / Н. И. Бурнашева. – М., 1993. – 276 с.
13. Бирюков П. Н. Биография Л. Н. Толстого : в 2-х т. / П. Н. Бирюков. – М. : Алгор, 2000. – Кн. . – 315 с.

Куксо Д.А.

УДК 811.112.2`253:33

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ РЕКЛАМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ
ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

В настоящее время в нашей стране проблема рекламы все больше привлекает внимание специалистов в области психологии, культурологии, журналистики, политологии, экономики, лингвистики и других наук. Реклама проникла во все отрасли человеческой деятельности. Объектом рекламы являются одежда, техника, медикаменты и иные товары.

Реклама способствует развитию рынка сбыта товаров и услуг. Именно реклама откликается на запросы и настроения общества. Потребность в рекламе растет потому, что она играет важную роль в развитии экономики. Но для эффективности воздействия на потенциального покупателя реклама должна использовать опыт других отраслей знаний.

Во многом эффективность рекламной кампании зависит от языкового оформления рекламного текста. При рассмотрении рекламы с точки зрения лингвистики возникает естественный интерес к языковым особенностям рекламных текстов. В данной работе мы рассмотрим некоторые особенности рекламных текстов и ее ассоциативное поле как отражение системы ценности современного общества.

Множество факторов определяет особенности рекламного текста. Специалисты в области рекламы считают, что рекламный текст должен: информировать, убеждать, выгодно отличать объект от себе подобных, быть конкретным, целенаправленным и достоверным, доказательным, логично построенным, доходчивым, кратким, игнорирующим второстепенные подробности и одновременно соответствовать общепринятым лингвистическим нормам, а также быть интересным, занимательным, остроумным и динамичным [1, с.6; 2, с.11; 3, с.701]. При составлении рекламных текстов вопросом первостепенной важности является *тищательный отбор используемых языковых средств*. На наш взгляд, при рассмотрении особенностей языка, используемого в рекламных текстах, следует оговорить тот факт, что в качестве объекта анализа выступает функционирование языка в особых коммуникативных условиях, то есть анализу подвергается рекламный текст как особая функционально-стилистическая система, специфика которой обусловлена влиянием экстралингвистических факторов, определяющих употребление языковых средств в целях пропаганды.

Выяснение особенностей языка рекламного текста в сфере рекламной пропаганды может проводиться в рамках социолингвистики, прагматики, стилистики, теории коммуникации. Все эти дисциплины объединяет интерес к языку в плане его коммуникативно-функциональных возможностей, способности влиять на получателя информации.

Анализ рекламных текстов охватывает широкий спектр вопросов. Наиболее *актуальными*, на наш взгляд, являются следующие проблемы:

- роль языка как средства убеждения,
- взаимодействие и взаимовлияние интересов получателя сообщения и языка рекламного текста,
- особенности употребления языковых средств в целях воздействия,
- лексико-семантические и прагма-стилистические особенности функционирования языка рекламных текстов в сфере рекламного бизнеса,
- использование языка с учетом социальной характеристики его носителей.

При лингвистическом анализе лексики рекламного текста важное значение имеет выяснение следующих вопросов: